

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.27>

Маринченко Ирина Александровна, Васильева Елена Васильевна

Типы обращений в детской прозе Виталия Бианки: лексико-функциональный аспект

В статье рассматривается функционирование обращений в детской литературе с позиции коммуникативно-прагматического подхода. Цель исследования - выявить семантическую и прагматическую специфику обращений в произведениях Виталия Бианки. Научная новизна работы заключается в том, что выразительный потенциал обращений и способы его реализации в художественном тексте впервые исследуются на материале детской прозы Виталия Бианки. В результате исследования выделены и проанализированы шесть основных типов обращений по лексико-грамматической и функциональной отнесенности их ключевых слов в произведениях В. В. Бианки. Установлено, что обращения являются значимым текстообразующим и стилистическим элементом в творчестве этого детского писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/8/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 138-144. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Natural World in the Russian Dialect Discourse (by the Material of Vocabulary with Negative Prefixes)

Lysenkova Tatyana Vladimirovna, PhD
Pskov State University
lysenkova.2016@yandex.ru

The article examines the vocabulary with negative prefixes of the conceptual sphere "Nature" in the aspect of dialectal linguistic worldview representation. The research objective includes analysing actualization of the concept WILD/CIVILIZED NATURE represented by dialect lexemes with negative prefixes. Scientific originality of the research involves the systemic approach to studying specificity of the lexical units with negative prefixes representing the concept NATURE. A structural-semantic analysis of lexical units with negative prefixes has allowed the author to identify semantic features of the concept WILD/CIVILIZED NATURE. The paper reveals the role of vocabulary with negative prefixes in linguistic representation of the concept NATURE, realization of spatial opposition "distant – near".

Key words and phrases: dialect discourse; vocabulary of conceptual sphere "Nature"; vocabulary with negative prefixes; dialectal linguistic worldview.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.27>

Дата поступления рукописи: 13.06.2020

В статье рассматривается функционирование обращений в детской литературе с позиции коммуникативно-прагматического подхода. Цель исследования – выявить семантическую и прагматическую специфику обращений в произведениях Виталия Бианки. Научная новизна работы заключается в том, что выразительный потенциал обращений и способы его реализации в художественном тексте впервые исследуются на материале детской прозы Виталия Бианки. В результате исследования выделены и проанализированы шесть основных типов обращений по лексико-грамматической и функциональной отнесенности их ключевых слов в произведениях В. В. Бианки. Установлено, что обращения являются значимым текстообразующим и стилистическим элементом в творчестве этого детского писателя.

Ключевые слова и фразы: коммуникативно-прагматический подход; обращение; лексико-функциональные типы обращений; детская литература; Виталий Бианки.

Маринченко Ирина Александровна, к. филол. н., доц.
Васильева Елена Васильевна
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
irmarinchenko@yandex.ru; biblioussdvfu@bk.ru

Типы обращений в детской прозе Виталия Бианки: лексико-функциональный аспект

Введение. Постановка проблемы

Современная лингвистика рассматривает обращение как «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь» [9].

Изучение роли обращений в художественном тексте входит в круг актуальных проблем языкознания и литературоведения. Как значимый элемент идиостиля писателя обращение становилось объектом исследований Т. Г. Лупашку (в прозе и поэзии А. С. Пушкина), И. Б. Масловой и Е. С. Рудыкиной (в рассказах М. А. Шолохова), Е. И. Пляскиной (в творчестве К. Ф. Седых), Н. В. Степиховой (в лирике А. Блока, Н. Гумилева и В. Маяковского) и других лингвистов. Описание состава и функций обращений в советской публицистике для детей в 20-40-е гг. XX в. представлено в диссертации А. А. Брыковой [5]. Анализ научных источников показывает, что систематические исследования, посвященные семантике и прагматике обращений в творчестве детских писателей, в отечественной филологии отсутствуют. Между тем использование обращений в детской литературе отличается от их употребления в литературе для «взрослых». Это различие на уровне семантики и прагматики обусловлено спецификой детских жанров, возрастными особенностями читателей, а также дидактическими задачами детской литературы, которые могут реализовываться «за счет лексического разнообразия обращений, их способности отражать правила речевого взаимодействия в условиях социальной стратификации в обществе, актуализировать значимость сообщаемой информации» [Там же, с. 12].

Обращение является одним из важных художественных средств в творчестве детского писателя Виталия Валентиновича Бианки. Его произведения отличает, по мнению литературных критиков, слияние науки и искусства: «Старую народную сказку писатель смело и весело наполнил новым содержанием. <...> Добрый волшебник заставит разговаривать зверей, птиц, насекомых на понятном ребятам языке, заставит своих

героев действовать по-сказочному» [8, с. 8]. В повестях, рассказах и сказках В. В. Бианки «научный факт силой искусства поднят до степени образного обобщения» [Там же, с. 12]. Свойственное детскому восприятию ощущение естественного единства человека и природы отражается в диалогах, которые люди и животные ведут между собой в его произведениях, преломляясь в разнообразии обращений. Однако языковая сторона творчества Виталия Бианки в целом и обращения в частности до сих пор практически не изучены. Этим обусловлена **актуальность** нашего исследования.

Задачи данной статьи: рассмотреть факторы, влияющие на функционирование обращений в художественном тексте; выявить и описать основные типы обращений в детской прозе В. В. Бианки по лексико-грамматической и функциональной отнесенности ключевых слов; определить роль обращения в решении художественных задач, реализуемых в произведениях В. В. Бианки.

Теоретическую базу нашего исследования составляют работы А. А. Балакай, А. Г. Балакая, А. И. Бирюлиной, В. И. Гвазавы, И. А. Стернина, в которых обращение рассматривается как компонент речевого этикета; исследования роли обращений в структуре диалога А. Р. Балаяна, А. Н. Баранова, И. Р. Гальперина, Е. А. Земской, Е. В. Падучевой, Н. Ю. Шведовой; труды, посвященные проблеме функционирования обращений в акте коммуникации, Н. Д. Арутюновой, Т. Г. Винокур, В. Е. Гольдина, Г. А. Золотовой, Н. И. Формановской и др.

Исследование семантики и прагматики обращений в произведениях Виталия Бианки, на наш взгляд, имеет важное значение для понимания процессов формирования детской литературы и детской речевой культуры советского периода. **Практическая значимость** заключается в возможности использования полученных результатов при изучении детской литературы XX века и на практических занятиях по лингвистическому анализу текста.

Материалом исследования служат контексты, включающие обращение, извлеченные нами из «Собрания сочинений в 4-х томах» Виталия Бианки (1972-1975) [1-4]. Для определения особенностей взаимодействия с ближайшим контекстным окружением и выявления роли обращений в конкретной ситуации общения используются **методы коммуникативно-прагматического анализа**.

I. Теоретические проблемы изучения функционирования обращений в рамках теории речевого акта

В 70-80-х гг. XX в., с выделением прагматики в отдельную область лингвистических исследований, обращения стали изучать в аспекте их функционирования в речи. С позиции теории речевых актов обращение часто рассматривается как маркер эмоционально-волевой сферы коммуникации. Характеризуя прагматический потенциал обращения, Н. Д. Арутюнова, И. Н. Борисова, В. В. Дементьев, З. Р. Дохова, Г. А. Золотова, Е. В. Падучева, Л. П. Рыжова, Н. И. Формановская и др. исследователи отмечают, что аппеллятивная функция, присущая этой лингвистической единице в разговорной речи, совмещается с оценочно-характеризующей (экспрессивной) функцией в художественном дискурсе.

Обращения выполняют разнообразные семантические функции в контексте предложения или фразового единства, в которое они включены, и их связь с контекстом носит двусторонний характер. С одной стороны, интралингвистические факторы (слова с качественной семантикой в составе обращения, речевое окружение обращения) и экстралингвистические факторы (когнитивные, психологические, деятельностные, исторические и проч. процессы) создают широкий контекст, в котором выявляется прагматическое значение обращений. С другой стороны, выбор обращения, по мнению некоторых лингвистов (А. А. Брыковой, Н. И. Формановской), влияет на речевое оформление всего последующего контекста высказывания [5; 12]. Это свойство обращений ярко проявляется в художественной литературе, особенно детской, превращая их из единицы речевого этикета в текстообразующее и стилистическое средство.

II. Типы обращений в прозе Виталия Бианки по лексико-грамматической и функциональной отнесенности ключевых слов

По характеру адресата обращение может являться: (1) названием лица – реального, воображаемого собеседника или названием самого говорящего; в этой группе встречаются собственные имена, названия лиц по родству, полу, возрасту, профессии и др.; (2) названием не-лица – названием одушевленного существа (животного); (3) названием одушевленного или отвлеченного предмета, обычно при олицетворении [7, с. 123].

При разработке классификации обращений в прозе Виталия Бианки мы опирались на работы И. И. Ковтуновой, в которых описаны предметные типы обращений в поэтическом тексте и выделены две группы обращений: к лицам и не к лицам [11]. Это деление мы приняли за основу, разграничив **обращения к человеку (антропонимические)** и **обращения к животным (неантропонимические)**. Для целей исследования важным являлось также разделить антропонимические обращения к взрослым и к детям, поскольку в русском языке существуют исторически и социально сложившиеся особенности состава и форм обращений в этих возрастных группах. Различие в характере общения между коммуникантами одного возраста и разновозрастными, между родителями и детьми ярко отражается в обращениях, которые использует Виталий Бианки.

Предварительный анализ материала показал, что по лексико-грамматической и функциональной отнесенности ключевых слов в составе обращений и к людям, и к животным выделяются одинаковые типы: а) этикетные обращения; б) термины родства и примыкающие к ним гендерные обращения; в) имена собственные; г) обращения-классификации; д) обращения-характеристики. Некоторая разнородность представленных

типов объясняется тем, что для той или иной группы по характеру адресата оказывается более важным либо лексико-грамматический параметр, либо параметр функции.

Антропонимические обращения

Этикетные обращения. По мнению А. А. Брыковой, «этикетные обращения – это одна из основных групп обращений, решающих социокультурные и коммуникативные задачи. Выбор того или иного этикетного обращения определяется не только требованиями потенциально неконфликтного общения, но и необходимостью обозначить социальные роли говорящих» [5, с. 38-39]. Исследуя формирование коммуникативной системы в России в 30-40-х гг. XX в., лингвист отмечает, что для «взрослого» этикета этого времени было характерно обращение *товарищ*, а для «детского» – *ребята* [Там же]. В прозе Виталия Бианки слово *товарищ* в основном используется в качестве обращения к взрослому самими взрослыми. Рассказывая о друзьях, герой или повествователь называет их *товарищами*, тогда как в обращениях детей и персонажей-животных друг к другу оно практически не используется. Лексема *товарищ* выступает как обращение к «своему», указывает на принадлежность говорящего и адресата к общей социальной среде: *Около деревни шатались волки. То барашка унесут, то козу. Своих охотников в деревне нет. Послали в город: – Выручайте, товарищи!* (В. В. Бианки. Лесная газета № 10. Месяц белых троп) [3, с. 302]. У деда Панфилыча и Ванюшки, действующих лиц рассказа «Чучела и пугала», общая должность: *Деда Панфилыча поставили на птицеферму, Ванюшку – на школьный огород, караульщиками. <...> – Без оружия врага одолеешь, товарищ Ванюшка, – утешил его дед Панфилыч, – почету того больше* [2, с. 402].

Реже встречается синонимичная слову *товарищ* лексема *гражданин* и ее производные: *Закройте все выходы! – кричал художник. – Воры унесли мою меховую куртку! – Постойте, гражданин, – сказал один из служащих. – Вон же она, ваша куртка: у Макса во рту* (В. В. Бианки. Макс) [1, с. 115]; *Гражданин, потрудитесь сейчас же выйти за барьер* (В. В. Бианки. Мурзук) [2, с. 50]; *«Уважаемый гражданин председатель! Сегодня, 17 апреля 19... года, я отпускаю на волю дикого гуся из породы белолобых казарок...»* (В. В. Бианки. На Великом морском пути) [3, с. 5]. Контекстное окружение говорит о формировании у слова *гражданин* отрицательной оценки. Оно употребляется в увещевающей, запретительной речи или в официальном стиле.

Широко распространенным этикетным обращением к детям в условиях формируемой в 1920-1930-е годы социальной системы является слово *ребята* как знак вовлеченности маленьких граждан страны в дела общества и коллектива. В прозе В. В. Бианки оно встречается в выполняющих дидактическую функцию обращения автора-повествователя к читателям: *Дорогие ребята! На наших полях колосятся хлеба, цветут сады, с каждым днём крепнет и богатеет социалистическое хозяйство* (В. В. Бианки. Лесная газета № 1) [Там же, с. 23]; *И, пожалуйста, ребята, если где встретите его или других плавунчиков, – не трогайте их, не пугайте! Они ведь совсем беззащитные и, главное, очень уж верят людям* (В. В. Бианки. Плавунчик) [1, с. 192].

В семейной назидательной коммуникации используется слово *дети*, в большей степени характерное для городской среды. Так, дядя Миша, живущий в деревне, обращаясь к своим городским племянникам, называет их *ребятишки* (1), а интеллигентная строгая мать – *дети* (2): (1) *Дядя Миша взглянул и сам чуть не больше их перепугался. – Ах я ворона! – выругал он себя. – Как же это я. Ну, ничего! Смелей, ребятки.* *Сейчас доставлю вас в лучшем виде на землю* (В. В. Бианки. Книга великих открытий, или Сто радостей) [Там же, с. 240]; (2) *Дядя Миша подхватил её, как маленькую девочку, расцеловал и бережно опустил на пол. – Поздоровались, дети? – спросила мать* (В. В. Бианки. Книга великих открытий, или Сто радостей) [Там же, с. 216]. Пример показывает, что *детьми* в позиции обращения называют тех, кто незнаком с какими-то правилами, неопытен в чем-то и поэтому нуждается в поучениях.

Внутри художественной коммуникации слово *ребята* может быть обращением взрослого к подросткам или употребляться по отношению к подчиненным: *Работать становилось всё жарче и жарче, и Егорка очень обрадовался, когда подъехал отец и стал собирать свою бригаду на обед. – А вы, ребята, – обратился он к собравшимся парнишкам, – распрягите коней да сведите выкупайте их, пока мы обедаем* (В. В. Бианки. Егоркины заботы) [Там же, с. 339]; *Вот оно что! Машинка-то, пожалуйста, не соврёт. Ну-ка, ребята, – обратился кузнец к подручным, снимая с себя фартук, – ложи инструменты по местам, – в луга пойдём* (В. В. Бианки. Егоркины заботы) [Там же, с. 342].

Диминутивные формы обращения *ребятишки*, *ребятушки*, *деткишки*, *деточки* характеризуют речь представителей старшего поколения: *На тётю Килю Саиша поглядывал с опаской: вдруг она опять ястребом кинется на него? Но она всё только угощала и приговаривала добрым голосом: – Кушайте, ребятушки, кушайте, желанные* (В. В. Бианки. Книга великих открытий, или Сто радостей) [Там же, с. 234-235]; *Поднялся Дед-Птицевед с петухами. Пошёл по деревне, стучит клюкой в окошки. – Деткишки, деткишки, аль не слышите, петухи давно кричат: «Ку-ку-ре-ку! Полно спать на боку-у!»* (В. В. Бианки. Птичьи разговоры) [Там же, с. 182].

Этикетные обращения, которые в советском обществе перешли в разряд пассивных (*господин*, *барышня* и др.), в прозе Виталия Бианки отмечены в единичных случаях: *Вы, барышня, видать, укротительница? – почтительно спросил красноармеец у девочки* (В. В. Бианки. Книга великих открытий, или Сто радостей) [Там же, с. 222]; *На первой же остановке в вагон ворвался маленький газетчик. <...> – Господин! – обратился он вдруг к учителю. – Купите газету: ваша жизнь в опасности!* (В. В. Бианки. Мурзук) [2, с. 189-190].

Термины родства. Термины родства используются в качестве обращений-регулятивов (по терминологии В. Е. Гольдина) [6, с. 93], характеризующих речь взрослых и детей в сфере семейного общения. Основное количество их употреблений в роли антропонимических обращений к взрослым в произведениях Виталия

Бианки приходится на сокращенные звательные формы: *Тайка соскочила с лежанки, кинулась будить мать. – Мам! Да мам же! Вставай! Ребеночек плачет!* (В. В. Бианки. Карабаш) [2, с. 199]; *Сынишка говорит: – Пойдём-ка, пап, домой лучше. А то ещё ты моего плавунчика вместо утки подстрелишь, как стемнеет* (В. В. Бианки. Плавунчик) [Там же, с. 253].

В качестве обращения взрослого человека к равному писатель употребляет регулятив *брат* и его производные формы с семантическим оттенком «товарищ», актуализируя значение общности интересов или взглядов людей, не являющихся родственниками: *Думаешь, задохлишь? – говорил Сысой Сысойч на обратном пути. – Н-нет, брат, они не задохлишь! Дым-то ведь тянет вверх по норе, а они вглубь ушли!* (В. В. Бианки. Лесная газета № 8. Месяц полных кладовых) [3, с. 257]; *Вот Спирька прибежал ко мне и молит: – Выручи, братец, посиди со мной ночку, смерть боюсь!* (В. В. Бианки. Уммб!) [2, с. 375].

Под влиянием контекстуального окружения обращение *брат* приобретает оттенок недовольства или недоверия: *Кержаки куражились, хвастали – какие, дескать, они лихие промышленники, лезли целоваться со сквициком. А Степан все твердил заплетающимся языком: – Меня, братцы, увольте, я счетов-расчетов ваших ничего не понимаю. Я, братцы, в Москву уеду!* (В. В. Бианки. Аскыр) [Там же, с. 125].

В речи взрослых, направленной к детям, также установлена частотность обращения *брат*: *Миша хотел поглядеть птицу. Протянул было руку, но сейчас же ее отдернул: казарка грозно на него зашипела. Ему совсем не хотелось, чтобы она ударила его клювом. Он уже раз испытал, как это приятно: две недели у него на ноге не сходил синяк. – Что, брат, не очень-то? – улыбнулся отец. – Ничего, я придержу ее за шею* (В. В. Бианки. На Великом морском пути) [Там же, с. 6]. Употребление слова *брат* в сочетании с именем собственным-диминовым придает оттенок снисходительности общению взрослого с ребенком: *Так-то, брат Ванюшка!* (В. В. Бианки. Как дяденька Волов искал волков) [Там же, с. 333].

А. А. Брыкова отмечает, что в 20-40-е гг. XX в. «обращения дяденька и тетенька становятся знаком нового детского речевого этикета» [5, с. 56]. Они используются детьми по отношению к незнакомому взрослому, как правило, при выражении просьбы или вопроса. Так, девочка обращается с просьбой к красноармейцу: *Пожалуйста, дяденька, – сказала девочка, – помогите мне поставить эту палку на место. Она ужасно тяжёлая, мне одной не справиться* (В. В. Бианки. Книга великих открытий, или Сто радостей) [1, с. 222]; *Ребятишки обступили охотника, расспрашивают: – Дяденька, где эдаких настрелял? Разве у нас такие бывают?* (В. В. Бианки. Лесная газета № 2. Месяц возвращения на Родину) [3, с. 77].

Установкой на речевую достоверность объясняется употребление в прозе Виталия Бианки характерных для крестьянской среды просторечных обращений *кум, кума (кумушка), батя (батенька), тятя (тятенька)*: *Егорке очень хотелось сесть на место отца и покосить машиной. – Тятя! – сказал он смущённо. – Ты бы сел под кустик завтракать-то... Вишь, рыбы-то я какой тебе наловил. Вкусная! А я бы пока маленько покосил. Хоть бы один ряд...* (В. В. Бианки. Егоркины заботы) [2, с. 339]; *Батька-а! – закричал вдруг Миша во весь голос. – Знают ненцы, что о кольце надо в Москву заявлять?* (В. В. Бианки. Мурзук) [Там же, с. 16].

Обращения *бабуленька, бабусенька, бабуся* характерны для более ласковых в обращении девочек или совсем маленьких детей: *Майка кинулась на крыльцо, раскинула ручонки. – Бабуся, дедушка мне всамделишную сказку показал – зимнее летечко!* (В. В. Бианки. Зимнее летечко) [1, с. 329]; *А «молодой человек» сидит ни жив ни мёртв: я ведь тогда еще его за волка считал. – Бабуленька, – лепечу, – я его боюсь... Миленькая, не оставляй меня одного с ним!* (В. В. Бианки. Лай) [Там же, с. 305].

Герои Виталия Бианки используют диминовы формы слов в поощряющей или уважительной речи даже к незнакомым людям: *Публика пришла в неистовый восторг. – Ай, дедушка! Ну, молодчина! Видно, прежде его был зверь. Зверь-то – вот умный, как собака! Признал хозяина!* (В. В. Бианки. Мурзук) [2, с. 50].

Гипокористическое обращение *бабка*, напротив, негативно характеризует адресанта, «злого человека», который отказался помочь в беде оставшейся одинокой в тайге женщине: *Бабушка ему очень обрадовалась: – Выведи, добрый человек, из тайги, – вот как тебе благодарна буду. А он ей: – Так и быть, бабка, выведи. А ты мне за это своего пса отдашь* (В. В. Бианки. Лай) [1, с. 303]. В данном примере обращения *добрый человек* и *бабка* находятся в отношениях контраста.

Среди регулятивов, не относящихся в своих первичных значениях к тематической группе «семья», необходимо отметить в позиции обращения слово *друг* и его диминовы, выражающие не столько социальный, сколько эмотивный план взаимоотношений между взрослыми людьми: *Ларивон подошел не спеша к полону, нагнулся, поколупал дерево пальцем, встал и раздумчиво заскреб пятерней в затылке. – Ты, дружок, – сказал он подошедшему охотнику, – мне такую пулю дай* (В. В. Бианки. Одинец) [2, с. 166].

Гендерные обращения выявлены нами в произведениях Виталия Бианки в единичных случаях в составе реплик неофициального характера между героями-детьми или в общении взрослого с ребенком. В обращении взрослых к детям этот тип представлен словами *мальчик, девочка*: *Помните, девочки, – говорила мать, уходя из дому, – можете бегать, где хотите – и во дворе и в саду, – только к Зелёному пруду не ходите* (В. В. Бианки. Зелёный пруд) [1, с. 283] – слово *девочка* в позиции обращения выступает в качестве синонима слова *дочь*. Слово *девоньки* является традиционным в разговорной речи старших по возрасту при обращении к девушке или девочке. Поэтому в общении равных по возрасту девочек оно создает комический эффект: *Смирькина сестренка тихонько сказала: – Ой, девоньки, страшно как!* (В. В. Бианки. Книга великих открытий, или Сто радостей) [Там же, с. 234].

В обращении к молодому человеку (подростку, юноше или молодому мужчине) используется разговорное слово *парень* (просторечное – *паря*): *Сашка спросил: – А медведи у тебя в Зелёном Доле есть? – А как же,*

паря. Всякие жихарки есть и медвежишки есть (В. В. Бианки. Книга великих открытий, или Сто радостей) [Там же, с. 227]. В сказочной прозе снисходительное обращение *парнишка* произносит в разговоре с мальчиком умудренный опытом орел: *Подбежал к той сосне, кричу: – Орёл, Орёл! А я тебе топорёнок принёс! Разнял Орёл крылья и клеочет: – Вот спасибо, парнишка! Кинь свой топорёнок в кучу. Я сучков на него ещё навалю – прочная будет постройка, доброе гнездо* (В. В. Бианки. Мастера без топора) [Там же, с. 326].

В сказочных жанрах, историческая отнесенность которых слабо определена, употребляются обращения *старик/старуха*, имеющие помимо гендерной семантики ярко выраженное указание на возраст: *А Сова из дупла: – Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы худа не вышло: мышцы-то, говорят, на охоту пошли. <...> А Сова из дупла: – Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: все имели твои разлетелись* (В. В. Бианки. Сова) [Там же, с. 69].

Имена собственные (ИС). В качестве обращения ИС выступают чаще всего в ситуациях реального общения. Лингвисты отмечают их большой коммуникативный потенциал, обусловленный вариативностью форм именования в русском языке [5; 12]. Немаркированные мононимы (*Владимир, Андрей, Татьяна* и т.п.) этой группы лишены каких-либо эмоциональных коннотаций и поэтому практически не встречаются в прозе В. В. Бианки даже в речи рассказчика. Деревенские жители обращаются друг к другу, используя гипокористические формы имени, выступающие в основной функции обращения – контактоустанавливающей. Так, героиня повести «Книга великих открытий, или Сто радостей» тётя Киля обращается к мужу: *Миша, Миша! – слабо донесся вдруг чей-то голос снизу. – Ты куда их? Голова закру... – конец слова отнесло ветром* [1, с. 240].

Формы имени, образованные с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов, характеризуют обращение взрослых к детям: *Учитель подошёл, смеётся: – Ишь ты, узнала хозяйку! Твоя ведь теперь эта собачка, Танюшка: я её из Ленинграда привёз от твоего дяди Пети* (В. В. Бианки. Латка) [Там же, с. 352].

Показателем детского речевого этикета служат гипокористики с суффиксом -к-, у которых отсутствуют дополнительные коммуникативные смыслы. Н. И. Формановская отмечает это как одну из особенностей общения в подростковой среде [12, с. 98]: *Да ведь подсолнух-то я для себя посадил, не для Ирки. Значит, он мой. Правда? Я и говорю: – Ирка, – говорю, – лучше не лезь. А то ударю!..* (В. В. Бианки. Тигр-пятитолосик) [1, с. 230]. Выявляются подобные формы имен и для речи рассказчика.

Нейтральные для детского речевого этикета гипокористики с суффиксом -к- приобретают оттенок снисходительности и неуважения, находясь в позиции обращения ко взрослому человеку: *– Дура ты, дура, Анютка! Где ж это видано, чтобы дикая птица назад в неволю ворочалась? Как волка ни корми, он всё в лес смотрит. Попадёт теперь твоя утка ястребу в когти – и поминай, как звали!* (В. В. Бианки. Лесные были и небылицы) [Там же, с. 62-63].

Для разговорной речи характерны усеченные формы отчества: *Виктор Степаныч! – вдруг перебил Петя Носик. – А откуда вы папиросу взяли?* (В. В. Бианки. Ласковое озеро Сарыкуль) [2, с. 274]. В речи взрослых встречается обращение по отчеству (однокомпонентное ИС в усеченной форме), которое является специфически русским маркером уважительного отношения к близкому или хорошо знакомому человеку: *Беседуй, Нефёдыч, – прервал Ипат словоохотливого пришельца* (В. В. Бианки. Аскыр) [1, с. 110].

Функции обращения по фамилии имеют возрастную дифференциацию. В позиции обращения к взрослому фамилия, как правило, сочетается со словом *товарищ*, отражая норму речевого этикета в советском обществе: *Ну, дело твое, товарищ Волов. Вон иди с Ванюшкой, – председатель на меня кивнул. – С Луговой парнишка* (В. В. Бианки. Как дяденька Волов искал волков) [2, с. 328]. Обращение взрослого к ребенку с использованием фамилии является дополнительным способом воздействия на адресата: *– Тьфу ты! – опомнился Венька. – Верно ведь... – Вот, – говорю, – Овечкин, видишь, что твое сказочное начало делает: «жил да был»... Уж и медведь у тебя на человеческом языке заговорил* (В. В. Бианки. Ушки в мешке) [Там же, с. 415].

Обращения-классификации представляют социальную характеристику адресата, называя его по роду занятий (*доктор, певец*), званию, титулу, занимаемой должности (*директор, капитан*). Обычно адресант вынужден использовать статусное наименование в качестве апеллятива, если он не знает имени и отчества адресата: *Вы обалдели от усталости и страха, – не совсем вежливо говорит Виктор Степанович, – у вас мысли путаются. – Нет, профессор, не путаются* (В. В. Бианки. Ласковое озеро Сарыкуль) [Там же, с. 275]. Для смягчения дистанционирования к обращению-существительному из тематической группы «профессия» может быть прибавлено приложение с эмотивным определением *дорогой*: *Нет, дорогой профессор, вы ошибаетесь. Это не кукушка, это попугай. И хоть у нас на севере не бывает попугаев, для нас с вами это все-таки настоящий попугай* (В. В. Бианки. Ласковое озеро Сарыкуль) [Там же, с. 258].

Обращение взрослого к адресату-ребенку по профессии, должности или званию используется в шуточной форме, являясь средством создания комического эффекта в детских рассказах Виталия Бианки: *У коновязи стояла кучка колхозников, они о чём-то громко разговаривали и смеялись. – Ну-ка, спецы! – подмигнув детям дядя Миша. – Догадайтесь, кто тут у меня в упряжке?* (В. В. Бианки. Книга великих открытий, или Сто радостей) [1, с. 230].

Обращения-характеристики применяются для выражения отношения к адресату, «создавая определенную тональность общения, как правило, непринужденную, дружескую, иногда фамильярную» [12, с. 201]. Для подобных обращений основной является **оценочно-характеризующая** функция в речи. Это экспрессивные номинации, представляющие ситуативно мотивированные мелиоративные и пейоративные характеристики. Семантическая и прагматическая дифференциация обращений-характеристик к взрослому и маленьким героям прозы Виталия Бианки позволяет выделить различные оттенки оценочности: оттенок

одобрения, отражающий нежность по отношению к близкому человеку: *Вдруг тёплая капля упала ему на щеку. – Зайчик мой! – прошептала мать. – Ненаглядный мой!* (В. В. Бианки. Книга великих открытий, или Сто радостей) [1, с. 220]; оттенок фамильярности, демонстрирующий положительную эмоциональную составляющую обращения с незнакомыми людьми: *Дед Макар – он тугой на ухо – долго не мог в толк взять, про чего это у него дяденька-охотник спрашивает. А как разобрал, только головой затряс. – И-и, милый, – говорит, – какие те волки! Волки у нас еще с той ерьманской войны совсем повывелись, бог миловал* (В. В. Бианки. Как дяденька Волов искал волков) [2, с. 238]; оттенок иронии, передающий шутиливо-пейоративное отношение к адресату: *А он уже идет навстречу – мертвый волк на плече. Передние лапы дяденька на грудь себе перекинул: волчий хвост по земле волочитя. – Что ты, дурашка! – говорит. – Чего напугался? Это волчица. Я уж знал: она за нами следом крадется. Смотрит, куда ее волчат несем* (В. В. Бианки. Как дяденька Волов искал волков) [Там же, с. 332]; оттенок неодобрения, передающий негативную реакцию на поведение и поступки адресата: *Одна из птиц растрепанным комочком падает в воду. Я поднимаю ее и показываю Виктору Степановичу. – Это кукиша, – говорит профессор. – Зачем вы ее загубили, зверь-человек?* (В. В. Бианки. Ласковое озеро Сарыкуль) [Там же с. 258]. В последнем примере обращение функционально сближается с приложением.

Неантропонимические обращения

В обращениях к животным используются все типы, применяемые в обращениях к людям, но меняется характер используемой лексики.

Этикетные обращения присутствуют в речи людей, обращенной к животным-помощникам: *Джек сворачивает в боковой ход, осторожно переступает через подпрыгивающие на земле иланги-змеи. Мы за ним. – Здорово, здорово, товарищ командир! – весело здоровается с собакой молодой забойщик. – Так что все в порядке и прогульчиков нет* (В. В. Бианки. Ласковое озеро Сарыкуль) [Там же, с. 268]. Для этикетных обращений, звучащих из уст человека, характерна ирония.

Ласково зовет птенцов-гоглят *ребятками* их мама-утка: *И вдруг откуда-то издалека-издалека донёлся до нас её хриплый голос: «Р-ребя!.. Ребятки!».* Тут мы все зашищали и бросились карабкаться на стенки, цеплялись за них коготками и упирались своими крошечными жёсткими хвостиками (В. В. Бианки. Гоглёнок, или Три мира) [1, с. 385].

Термины родства. Поскольку жизнь животных изображается как жизнь семьи, то практически все обращения по признаку родства или возраста можно встретить при описании этой жизни: *Замечательно! – вслух сказал Жаворонок. – Долго же придётся вам, дети, учиться, чтобы так ловко бегать!* (В. В. Бианки. Оранжевое Горлышко) [Там же, с. 357]; *Здрассте, сестрица тетёрка, – вежливо поздоровалась мама. – Вот каких я утят вывела: кругленькие, пушистенькие. И такие ловкие, так хорошо научились ходить!* (В. В. Бианки. Гоглёнок, или Три мира) [Там же, с. 382].

Термины родства присутствуют в покровительственной или дружеской речи человека, обращенной к животным. Так, в повести «Мурзук» старик Андрейч ласково называет сыном воспитанную им рысь, а братом – собаку: *Андрейч кликнул к крыльцу возницу... <...> Старик прижал к себе голову рыси и ласково погладил. Потом подошел к клетке и показал на нее Мурзуку. – Иди, сынок, сюда!* (В. В. Бианки. Мурзук) [2, с. 42]; *Почуяв запах рыси, Кунак поднял шерсть дыбом и заворчал. – Что, брат, не любишь? Лютый зверь. Чуть не загрыз меня, проклятый!* (В. В. Бианки. Мурзук) [Там же, с. 36].

Обращения с приложениями встречаются в сказках-несказках и носят фольклорный характер: *Нечем стало Старику чай белить – пошёл Старик Сове кланяться: – Уж ты, Совушка-вдовушка, меня из беды выручай: нечем стало мне, старому, белить чай* (В. В. Бианки. Сова) [1, с. 70].

Гендерные обращения. Гендерные обращения к животному в прозе Виталия Бианки всегда связаны с обозначением возраста. Так, фразеологизированное обращение *старый сыч* (ср. *старый хрыч*) употребляется в бранной речи по отношению к медведю: *Дед Инотар и ружья к плечу поднять не успел. Шатун как даст по ружью лапой, – ружье в щепки! Обезоружил деда – да рраз ему лапой по уху! Рраз по другому! Свалил в снег – да как закричит: – Будешь, старый сыч, нашего брата бить!* (В. В. Бианки. Ушки в мешке) [2, с. 415].

Имена собственные (ИС). В роли собственных имен-обращений выступают онимизированные апеллятивы, которые являются выразителями существенных признаков персонажа. Названия животных в природо-ведческой сказке-несказке В. В. Бианки становятся их личными именами по аналогии с фольклорным прототипом, что соотносится с детским восприятием и выполняет информационно-познавательную функцию в тексте для самых маленьких. Имена персонажей (*Муравьишка, Паучок-пилот, Береговушка, Подковкин, Оранжевое Горлышко* и др.) передают авторское отношение к ним и такие значимые характеристики, как возраст, размеры, внешний облик, место обитания и др. Характер обращений также маркируется суффиксами: *Жужелка, Жужелка, снеси меня домой! У меня ножки болят* (В. В. Бианки. Как муравьишка домой спешил) [1, с. 360]; *– Отдай мне твой хвостик, Оленуха!* (В. В. Бианки. Хвосты) [Там же, с. 55]; *Зинька подлетела к ней и спрашивает: – Что ты, Белочка, делаешь? Зачем не ешь грибы, а на сучки их накалы-ваешь?* (В. В. Бианки. Синичкин календарь) [2, с. 284].

В именовании героев своих сказок-несказок В. В. Бианки, как и другие авторы произведений о природе для детей, использует звукоподражательные слова и их дериваты в качестве экспрессивно-изобразительного средства художественной речи [10]: *Чик, – сказала Чирика на воробьином языке, – Чик, а где же мы устроим себе гнездо? Ведь все дупла в нашем саду уже заняты* (В. В. Бианки. Красная горка) [1, с. 100].

Обращения-классификации, как и этикетные обращения к животным, выражают иронию и являются средством языковой игры: *Ах, не смешите меня, хозяюшка!* – сказала краснобровая. – *Поглядите на моих тетеревят. Они уж и бегают отлично, не то что ваши ковыляшки!* (В. В. Бианки. Гоглёнок, или Три мира) [Там же, с. 382].

Обращения-характеристики выполняют экспрессивно-оценочную функцию. Так, Пеликан-Мешконос показывает свое превосходство перед небольшими птицами в сказке «Чей нос лучше?» с помощью пейоратива *мелюзга*: *Эй вы, мелюзга!* – крикнул им Пеликан-Мешконос с озера. – *Поймали мышку – и рады. А того нет, чтобы про запас себе что-нибудь отложить. Я вот рыбку поймаю – и в мешок себе отложу, опять поймаю – и опять отложу* [Там же, с. 23], а мелиоративное обращение к молодой ласточке-береговушке *маленькая* выражает ласку: *Куда ты спешишь, маленькая?* – кричит золотая птица Береговушке [Там же, с. 30].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**: 1) антропонимические обращения в детской прозе Виталия Бианки репрезентируют внесемейную и семейную сферы общения, отражая отношения между неизвестными людьми; знакомыми и родственниками; коммуникантами одного возраста и разновозрастными; родителями и детьми и общение детей между собой; 2) особую группу обращений, обусловленную антропоморфизмом авторской художественно-природоведческой сказки, образуют неантропонимические обращения в жанре сказки-несказки Виталия Бианки; 3) семантика наименований человека и животных в произведениях Виталия Бианки отличается разнообразием, что позволяет разграничить типы обращений по лексико-грамматической и функциональной отнесенности их ключевых слов: этикетные обращения, термины родства, гендерные обращения, имена собственные, обращения-классификации, обращения-характеристики; 4) формирование прагматических приращений определяется семантикой самой лексики, ее структурным типом, местом обращения в структуре предложения, сопровождающими обращение словами (междометиями, предикатом и его формой, призывными словами и др.); 5) обращения способствуют реализации дидактических задач детской литературы, формируя представления о семейных и общественных взаимоотношениях и речевом этикете.

Даже краткий обзор функционирования обращений в прозе Виталия Бианки показывает, что эта лингвистическая единица является значимым элементом текстовой, диалогической и сюжетной связности в произведениях для детей. Поэтому представляется **перспективным дальнейшее исследование** выразительного потенциала обращений в различных жанрах детской литературы.

Список источников

1. Бианки В. В. Собрание сочинений: в 4-х т. Л.: Детская литература, 1972. Т. 1. Рассказы и сказки. 400 с.
2. Бианки В. В. Собрание сочинений: в 4-х т. Л.: Детская литература, 1973. Т. 2. Повести и рассказы. 432 с.
3. Бианки В. В. Собрание сочинений: в 4-х т. Л.: Детская литература, 1974. Т. 3. Лесная газета. Клуб колумбов. 462 с.
4. Бианки В. В. Собрание сочинений: в 4-х т. Л.: Детская литература, 1975. Т. 4. Очерки. Рассказы. Статьи. Дневники. Письма. 384 с.
5. Брыкова А. А. Семантика и прагматика обращений: на материале журналов для детей 20-40-х гг. XX в. «Еж» и «Чиж»: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2016. 244 с.
6. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. М.: URSS, 2009. 136 с.
7. Грамматика русского языка: в 2-х т. / ред. В. В. Виноградов и др.; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. Т. 2. Ч. 2. Синтаксис. 1954. 444 с.
8. Гроденский Гр. Бианки Виталий Валентинович: критико-биографический очерк // Бианки В. В. Собрание сочинений: в 4-х т. Л.: Детская литература, 1972. Т. 1. Рассказы и сказки. С. 5-18.
9. Кручинина И. Н. Обращение [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/340f.html> (дата обращения: 09.06.2020).
10. Маринченко И. А., Васильева Е. В. Стилистические приемы использования звукоподражаний в детской художественной прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 113-117.
11. Поэтическая грамматика: в 2-х т. / отв. ред. Е. В. Красильникова. М.: Азбуковник, 2013. Т. 2. 320 с.
12. Формановская Н. И. Культура общения и речевого поведения. М.: URSS, 2018. 238 с.

Types of Addresses in Children's Prose by Vitaly Bianki: Lexical and Functional Aspect

Marinchenko Irina Aleksandrovna, PhD

Vasil'eva Elena Vasil'evna

Far Eastern Federal University, Vladivostok
irmarinchenko@yandex.ru; biblioussdvfu@bk.ru

The article examines functioning of addresses in children's literature from the viewpoint of the communicative-pragmatic approach. The research objective includes identifying semantic and pragmatic specificity of addresses in Vitaly Bianki's prose. Scientific originality of the study lies in the fact that for the first time by the material of children's prose by Vitaly Bianki the authors consider expressive potential of addresses and ways of its realization in literary text. The research findings are as follows: the authors identify and analyse six basic types of addresses in V. V. Bianki's stories. The proposed classification is based on lexico-grammatical and functional features of nominative lexemes. It is shown that addresses are a meaningful text-formative and stylistic element of the writer's prose.

Key words and phrases: communicative-pragmatic approach; address; lexical and functional types of addresses; children's literature; Vitaly Bianki.